

Приморская область и ея природныя богатства.

ГЛАВА III¹⁾.

Рыболовный промыселъ въ Приморской области.—Общія данныя.—Значеніе рыбной ловли для населенія.—Обзоръ рыболовства по уѣздамъ.—Дѣятельность въ нашихъ водахъ иностранцевъ.—Стремленіе центральной власти развить торгово-промышленный ловъ рыбы русскими подданными.—Наличныя средства охраны морскихъ и рыбныхъ промысловъ.—Существующія въ этой области предположенія.—Лѣсной промыселъ.—Горное дѣло.

Воды нашего Дальняго Востока, какъ морскія, такъ и прѣсныя, богаты рыбою всевозможныхъ породъ, а рыбный промыселъ почти на всемъ побережьѣ Приморской области играетъ роль первостепенную. Достаточно сказать, что, по официальнымъ даннымъ, изъ восьми уѣздовъ названной области въ четырехъ — именно: Анадырскомъ, Гижичинскомъ, Охотскомъ и Петропавловскомъ — населеніе живетъ почти исключительно рыболовствомъ, въ одномъ — Удскомъ — рыболовство является главнымъ занятіемъ жителей и въ одномъ — Уссурийскомъ Казачьемъ — рыбный промыселъ даетъ «значительное подспорье» обывателямъ. Пожалуй, такое же подспорье даетъ рыболовство на Командорскихъ островахъ, на Сахалинѣ и частью въ Хабаровскомъ уѣздѣ.

Съ точки зрѣнія доходности рыбныхъ промысловъ Приморской области для государственной казны, необходимо замѣтить, что уловъ

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 8.

рыбы для потребностей мѣстнаго населенія не сопровождается отчисленіемъ какихъ либо пошлинъ; сборами облагаются лишь промыслы, преслѣдующіе цѣли коммерческія—вывозъ рыбныхъ продуктовъ съ мѣста улова внутрь края и за границу. Сборомъ съ промысловъ коммерческаго характера является, во-первыхъ, арендная за рыбалки плата, а во-вторыхъ, вывозная за границу пошлина, составлявшая до послѣдняго времени плату по 5 коп. съ пуда рыбныхъ продуктовъ для русскихъ промышленныхъ фирмъ и по 7 коп. съ пуда для иностранцевъ. Какъ извѣстно, по Портсмутскому договору права русскихъ рыбопромышленниковъ и японскихъ уравни.

Фактически доходы казны съ рыбныхъ промысловъ Приморской области долгое время были крайне ограничены. Это объяснялось, съ одной стороны, отсутствіемъ инициативы и энергіи въ русскихъ предпринимателяхъ, съ другой стороны, недостаточностью надзора за экспортомъ рыбы, наконецъ, хищническимъ ловомъ рыбы въ нашихъ водахъ, производившимся иностранцами, преимущественно японцами. Въ концѣ прошлаго вѣка начали принимать нѣкоторыя мѣры къ урегулированію дѣла, и результаты дѣятельности въ этой области мѣстной администраціи не замедлили обнаружиться довольно рельефно. Въ 1891 году въ доходъ казны поступило отъ рыбныхъ промысловъ по всему Приморскому краю всего лишь 663 руб. 36 коп.; въ слѣдующемъ году—4.669 руб., въ 1898 году—20,602 руб. Затѣмъ, съ установленіемъ разумныхъ правилъ рыболовства, фактически примѣненныхъ только въ *нѣкоторыхъ* районахъ, доходность сразу увеличилась и достигла въ 1899 году до суммы въ 70,681 руб. Несмотря на различныя неблагоприятныя условія, сопровождавшія русско-японскую войну и миръ въ Портсмутѣ, та же доходность, по даннымъ министерства торговли, возрасла къ 1907 году до 309,000 руб.

Въ водахъ Приморской области ловится всякая красная и бѣлая рыба, треска и сельдь. Главный объектъ лова—*периодическая* рыба, а главная особь—кѣта.

Кѣта—красная рыба изъ породы лососей, водящаяся во всей сѣверной части Тихаго океана; ея обыкновенный вѣсъ отъ 5 до 10 фунтовъ. Время главнаго промысла на нее опредѣляется *ручными* ходомъ рыбы въ прѣсныя воды, который въ большинствѣ случаевъ повторяется ежегодно три раза: первый ходъ начинается около 20-го августа и продолжается 2—3 дня; второй ходъ ближе къ осени и продолжается дней 7; третій ходъ, самый продолжи-

тельный, заканчивается въ октябрь. Наиболѣе обилень первый ходъ, и вообще интенсивность хода всегда обратно пропорціональна его продолжительности. По отзывамъ большинства лицъ, побывавшихъ на нашемъ дальнемъ сѣверовостокѣ, кѣта входитъ въ прѣсныя воды рѣкъ и рѣчекъ для метанія икры въ безчисленномъ количествѣ и съ неустойчивой силой мчитя противъ теченія до верховьевъ; иногда она появляется въ такомъ громадномъ количествѣ, что вся вода въ рѣкахъ пріобрѣтаетъ рыбный запахъ, а весла лодокъ буквально вязнутъ въ рыбѣ. Но такіе отзывы не единогласны. Генераль Унтербергеръ утверждаетъ, наиримѣрь, что разговоры о несмѣтномъ изобиліи рыбы въ рѣкахъ Приморской области въ значительной мѣрѣ страдаютъ преувеличеніемъ. Не отрицая того, что въ Амурѣ и отчасти въ Анадырь рыбы дѣйствительно ходятъ весьма много, онъ говоритъ, что въ прочихъ рѣкахъ ея едва хватаетъ для потребностей мѣстныхъ жителей, питающихся почти исключительно рыбою.

Лучшій ловъ, вѣрнѣе уловъ лучшей кѣты производится близъ устья рѣкъ, гдѣ рыба еще сильна и вполне здорова. Чѣмъ дальше отъ устья, тѣмъ кѣта хуже, и вотъ почему: стремительно несаясь противъ теченія, несаясь въ страшной тѣсотѣ, подвергаясь ударамъ о камни и другъ о друга, голодая въ теченіе всего пути, кѣта истощается, покрывается кровоподтеками, обращается въ вялую и изнеможенную; къ верховьямъ рѣкъ она подходит въ полуживомъ видѣ съ оскаленными зубами, почему и именуется тамъ «зубаткой»; у верховьевъ рѣкъ она еле шевелитъ плавниками, и ее можно доставать изъ воды руками; ловятъ ее лапами даже медвѣди.

Общій уловъ кѣты въ предѣлахъ Приморской области измѣряется милліонами пудовъ. Высшій сортъ кѣтоваго продукта напоминаетъ нашу семгу; сибиряки ставятъ кѣту даже выше семги, но съ этимъ согласиться трудно.

Кромѣ кѣты, населеніе Приморской области ловитъ и другую периодическую красную и бѣлую рыбу: таймень, нельму, осетра, севрюгу и т. п.; ловитъ и рыбу «мѣстовую», постоянно проживающую въ рѣкахъ. Ловятъ рыбу неводами, поставными сѣтями, сетями, юзами, переметами самоловами и другими способами; но въ періоды рунныхъ ходовъ—почти исключительно неводами. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ имѣются общественные невода, значеніе которыхъ приравнивается къ значенію общественныхъ запасекъ въ селеніяхъ земледѣльческихъ. Добытая для мѣстныхъ потребностей, при рунныхъ ходахъ, рыба заготавливается впрокъ на круглый годъ

и у сибирскихъ инородцевъ «служить вмѣсто хлѣба». Главными рыбными продуктами у инородцевъ являются: *юкола*—рыба сушеная въ цѣломъ видѣ, *качемазз*—рыба предварительно расиластанная пополамъ, а затѣмъ засушенная, *букса*—вываренные осетровые хрящи, *артизз*—рыба кислая, идущая преимущественно на кормъ бѣзжалымъ собакамъ и приготавливаемая весьма просто: отрывается жабра, въ яму бросается рыба, сверху насыпается слой земли. Аргизомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кормятъ также свиней и даже рогатый скотъ.

Чтобы не повторяться, ограничимся этими, общими для всѣхъ рыбныхъ промысловъ, данными и перейдемъ къ разсмотрѣнію рыболовства по районамъ.

Въ Южно-Уссурійскомъ уѣздѣ рыбный промыселъ не играетъ существенной роли. Рыбу населеніе ловитъ преимущественно въ промежутки времени, свободные отъ другихъ болѣе важныхъ занятій. Ловятъ ее главнымъ образомъ въ рѣкахъ и болше всего каты. Относительно существенное для населенія значеніе имѣетъ рыбная ловля на озерѣ Ханка, гдѣ производится довольно большой уловъ осетра, калуги и сазана. Отмѣтимъ, между прочимъ, что на побережьѣ залива Петра Великаго намѣревались развить рыбопромышленность искусственно и для этого переселили туда въ 1899—1902 годахъ 225 душъ мужескаго пола эстонцевъ и 110 тавричанъ-рыболововъ, щедро надѣливъ ихъ землею. Но именно эта щедрость свела затѣю къ нулю: рыбаки начали сдавать земли въ аренду китайцамъ и корейцамъ, стали получать хорошіе доходы и рыболовствомъ почти не занимались и не занимаются.

Въ Уссурійскомъ Казачьемъ уѣздѣ рыбный промыселъ составляетъ, какъ сказано, важное подспорье въ жизни населенія: но къ концу прошлаго столѣтія онъ сталъ постепенно падать. Такъ, въ 1893 году на душу казачьяго населенія приходился доходъ отъ рыбной ловли въ 7 руб. 19 коп., въ 1898 году—въ 3 руб. 10 коп., въ 1899 году—въ 2 руб. 89 коп. Однако послѣднія свѣдѣнія констатируютъ нѣкоторое улучшеніе дѣла: въ 1906 году отъ рыбной ловли на каждую душу пришлось по 5 руб. 29 коп.

Въ Хабаровскомъ уѣздѣ рыболовство было развито до послѣдняго времени только по Амуру и особенно въ волостяхъ Троицкой и Нижне-Гамбовской. Тутъ населеніе обезпечено рыбою на крутой годъ и получаетъ еще немалый заработокъ.

Удскій уѣздъ, а въ особенности низовья Амура и смежные съ ними районы, богаты преимущественно періодическою кѣтою и гор-

бушей, причемъ Николаевская кѣта считается лучшею на всемъ Дальнемъ Востоку и чрезвычайно цѣнится въ Японіи. Рыбный промыселъ подраздѣляется здѣсь на двѣ категоріи: на промыселъ для потребностей мѣстнаго населенія и на промыселъ, преслѣдующій торговые цѣли.

О размѣрѣ промысла первой категоріи, по официальнымъ даннымъ, судить трудно: то уловъ опредѣляется десятками тысячъ пудовъ (въ 1893 году—28,180 пуд.), то сотнями тысячъ (1898 годъ—403,963 пуд.). Столь значительная разница въ размѣрахъ улова для мѣстныхъ потребностей, при численности населенія почти не измѣняющагося, невольно заставляетъ предполагать, что рыбопромышленная статистика края далеко не отличается точностью и соотвѣтственностью дѣйствительности. Тѣмъ болѣе вѣроятнo такое предположеніе потому, что статистическій матеріалъ не даетъ основаній для сужденія о зависимости указанныхъ колебаній улова отъ «урожайности», отъ интенсивности руннаго хода кѣты, ибо размѣръ добычи рыбы для промышленныхъ цѣлей, неминусемо подлежащій болѣе точному учету въ фискальныхъ видахъ (пошлина), колеблется въ общемъ незначительно и безъ какого либо сходства съ колебаніями улова для мѣстныхъ нуждъ (торговый уловъ 1893 года—137,000 пуд., а 1898 года—173,563 пуд.). Казалось бы, что успешность общей добычи въ край, населеніе котораго иптается преимущественно рыбою, могла бы скорѣе отразиться именно на размѣрахъ улова для торговыхъ цѣлей, для вывоза рыбныхъ продуктовъ за предѣлы уѣзда.

Рыбопромышленныя торговля предпріятія Удскаго уѣзда были развиты довольно широко уже въ концѣ прошлаго столѣтія. Николаевскъ на Амурѣ являлся единственнымъ въ Приморской области центромъ, откуда снабжались рыбою все Приамурье и часть Забайкалья, откуда шель значительный экспортъ рыбы и заграницу. Русскія торговля фирмы занимались преимущественно обработкою рыбы, пойманной мѣстными рыбаками, почему развитіе русскаго предпринимательства во всѣхъ отношеніяхъ отвѣчало и мѣстнымъ интересамъ общегосударственнымъ. Но совсѣмъ иной характеръ носили промыслы японскіе, по отношенію къ которымъ находимъ слѣдующія любопытныя данныя и соображенія во всеподданнѣйшемъ отчетѣ генерала Гродекова за 1900 годъ, данныя, кои приводу въ сжатой формѣ.

Экспортныя рыбопромышленныя операціи Удскаго уѣзда находились до 1899 года исключительно въ рукахъ японцевъ. Огром-

ная потребность Японіи въ соленой рыбѣ далеко не исчерпывалась ея собственнымъ, оскудѣвшимъ рыболовствомъ, и японцы настойчиво и старательно выискивали новыя мѣста для промысла въ нашихъ водахъ. «Дешевизна въ Японіи рабочихъ рукъ и всякаго рода предметовъ промысловаго снаряженія, сильное развитіе каботажна, безспорная опытность японцевъ въ рыбномъ и тѣсно связанномъ съ нимъ мореходномъ дѣлѣ, наконецъ, ихъ предприимчивость—все это, свидѣтельствовавль генераль Гродсковъ, приводитъ къ тому, что японцы могутъ быстро обосноваться на новыхъ мѣстахъ». Уже въ 1898 году японскій промыселъ производился почти на всѣхъ рыболовныхъ участкахъ по Амуру ниже Николаевска, т. е. на лучшихъ участкахъ улова періодической кѣты. Несмотря на то, что мѣстная администрація давала разрѣшеніе на право производства рыбной ловли въ этомъ районѣ исключительно русскимъ подданнымъ и съ обязательствомъ имѣть на промыслахъ только русскихъ рабочихъ, фактически японцы, «пользуясь слабостью надзора, всюду являлись и хозяевами, и рабочими на промыслахъ, а русскіе, на имена которыхъ выдавались разрѣшенія, — лишь подставными отъ нихъ лицами».

Само собою разумѣется, подобное положеніе вещей сопровождалось тѣмъ неминуемымъ слѣдствіемъ, что «японскій промыселъ на Амурѣ принялъ нежелательную и не выгодную для русскихъ интересовъ форму». Невыгоды эти усугублялись полною беззащитностью нашихъ тихоокеанскихъ сосѣдей въ дѣлѣ утилизаціи средствъ для улова и въ дѣлѣ практикованія способовъ ловли, губительно отражавшихся на сохранности нашихъ природныхъ богатствъ. Пошлины и иные сборы, поступавшіе въ доходъ казны отъ японскихъ промысловъ, были прямо ничтожны. Такъ въ 1898 году японцы уплатили всего 13,000 руб., каковая сумма совершенно не соответствовала «громднымъ барышамъ» японскихъ рыбопромышленниковъ, выручавшимся ими на своей родинѣ отъ продажи русской рыбы. И вотъ, мѣстная администрація рѣшила принять цѣлый рядъ весьма строгихъ въ этомъ направленіи мѣръ и учредить возможно обидительный надзоръ за ихъ выполненіемъ. Правилами 1899 года, ловля рыбы на Амурѣ иностранными подданными была запрещена безусловно; русскимъ рыбопромышленникамъ было воспрещено имѣть на своихъ промыслахъ чужеземныхъ рыбаковъ; способы рыбной ловли были точно и детально регламентированы; были установлены и болѣе выгодныя для казны условія по части аренды промысловыхъ участковъ. Въсѣтъ съ тѣмъ

въ стремленіи не уничтожить вывоза амурской рыбы въ Японію, было разрѣшено иностранцамъ имѣть на Амурѣ «обрабатывающія рыбу устройства», т. е. заводы или иные оборудованія для приготовленія продуктовъ изъ рыбы, приобретаемой *покупкою* отъ мѣстнаго населенія. Эту боязнь «уничтожить вывозъ», при полной несомнѣнности того факта, что Японія не могла обойтись безъ нашей рыбы, повидимому, слѣдовало разумѣть такъ: Японскій рынокъ привыкъ къ извѣстному способу изготовленія рыбныхъ продуктовъ, къ способу японскому, мало тогда извѣстному русскимъ промышленникамъ, ибо, какъ сказано, весь экспортъ въ Японію находился въ японскихъ рукахъ и создавался самими японцами. Лишеніе японскихъ промысловъ на Амурѣ той прибыльности операций, которая существовала до введенія правилъ 1899 года, неминуемо поведетъ къ постепенному сокращенію дѣятельности японскихъ фирмъ, а спросъ останется прежній. Силою вещей, явятся русскіе экспортеры, которымъ прежде всего необходимы опытные мастера въ этомъ дѣлѣ, при чемъ такими могли явиться мѣстные жители, поначалу работавшіе на японскихъ заводахъ. Кромѣ того имѣлось, надо полагать, въ виду и иное соображеніе: рѣзкія запретительныя мѣры на Амурѣ, гдѣ условія мѣстной жизни допускали организацію достаточно рачительнаго надзора за творящимся на рыбныхъ промыслахъ, могли бы вызвать нашествіе японцевъ въ малонаселенные районы Приморской области, въ которыхъ противъ хищничества было бы невозможно принять сколько нибудь существенныхъ мѣръ по отсутствію потребныхъ для того личныхъ средствъ. Словомъ, мѣстная администрація проявила въ данномъ случаѣ несомнѣнную прозорливость, и не ея вина, что благія пожеланія рухнули въ преисподнюю черезъ Портсмутъ.

Правила 1899 года не замедлили благотворно отразиться на рыбномъ хозяйствѣ Удскаго уѣзда. «Значительные барыши, которые ранѣе полностью увозились въ Японію», начали въ замѣтной мѣрѣ оставаться въ рукахъ русскаго населенія. Уже въ 1899 году, населеніе это приобрѣло 60,000 руб. за проданную японцамъ рыбу, за рыбу, которую ранѣе японцы вылавливали сами. Увеличилась и доходность отъ промысловъ казны, чему наиболѣе способствовало увеличеніе выгоды дѣла русскихъ предпринимателей—ловцовъ рыбы, выгоды, повлекшей за собою значительное повышеніе арендныхъ цѣнъ на промысловые участки: въ 1900 году 42 рыбаки пошли за плату до 1,500 руб., каждая, тогда какъ ранѣе за участокъ выручалось отъ 20 до 30 р. Въ общемъ, до-

ходъ казны отъ разсматриваемой оброчной статьи возросъ выше, чѣмъ въ десять разъ: въ 1898 году онъ составилъ сумму въ 13,000 рублей, а въ 1900 г.—115,000 руб.

Какъ сложатся дѣла на Амурѣ въ будущемъ, предугадать трудно. Но и въ самое послѣднее время вѣсти идутъ оттуда болѣе или менѣе успокоительныя. Правда, въ рыболовный сезонъ 1907 года у Николаевска пасчитали около 50 японскихъ шхунъ, каждая вмѣстимостью по 300 и до 500 тоннъ, и до 20 пароходовъ, по 600 тоннъ, но суда эти нагружались рыбою, исключительно скупиленной у русскихъ рыбаковъ. Правда, русскіе предприниматели по прежнему не рѣшаются самостоятельно заняться заграничнымъ экспортомъ, но они расширяютъ вывозъ рыбныхъ продуктовъ внутрь своей страны, внутрь Сибири, а кѣта и кѣтовая икра добралась до Петербурга. Эти успѣхи во многомъ зависятъ отъ серьезныхъ улучшеній въ дѣлѣ заготовки обычныхъ мѣстныхъ рыбныхъ продуктовъ впрокъ. Появился спросъ и на новые продукты амурскаго рыболовства. Такъ мѣстная осетровая и бѣлужья (калужья) икра, которую еще недавно не умѣли готовить вовсе и которая горкла и прокисала въ нѣсколько дней, теперь—благодаря появленію въ устьяхъ Амура астраханцевъ—стала прекрасной и распространенной во всемъ Приамурьѣ. Тоже можно сказать про балыки. Вообще астраханцы, образовавшіе въ послѣднее время въ Николаевскѣ «Волжско-Амурское товарищество», внесли много улучшеній не только въ дѣло изготовленія рыбныхъ продуктовъ, но и въ способы ловли. Достаточно сказать, что они настроили много рыболовныхъ судовъ, которыя, по своимъ удобствамъ и техническимъ достоинствамъ, далеко оставляютъ за собою не только мѣстные, но даже и японскія суда.

Въ уѣздахъ Охотскомъ, Гижигинскомъ и Анадырскомъ ловится кѣта, горбуша, пярка, нельма и другая промысловая рыба. Ловится она пока исключительно для мѣстныхъ нуждъ. До русско-японской войны нашлся только одинъ предприниматель, нѣкій Калмыковъ, приступившій къ ловлѣ рыбы съ цѣлью вывоза ея изъ Охотскаго уѣзда для торговли. Свѣдѣнія о добычливости рыбныхъ промысловъ въ этихъ уѣздахъ столь неточны, что отъ приведенія имѣющихся статистическихъ данныхъ я воздержусь. Не содержится въ официальныхъ источникахъ и сколько нибудь определенныхъ указаній на дѣятельность въ прибрежныхъ водахъ иностранныхъ хищниковъ. Несомнѣнно одно: японцы и здѣсь хозяйничали до войны, и дѣйствительныхъ препятствій такому хозяйничанью не ставилось.

Въ водахъ Петропавловскаго уѣзда промысловою рыбою является кѣта, пярка, кижучъ, горбуша, чавыха, сельдь и треска. Сельдь и треска—рыбы исключительно морскія; мѣстнаго промысла на нихъ не существуетъ за отсутствіемъ соответственныхъ каботажныхъ средствъ; ихъ ловятъ въ морѣ исключительно иностранцы, преимущественно американцы и отчасти японцы. Мѣстное населеніе, состоящее главнымъ образомъ изъ инородцевъ, ловить рыбу только въ рѣкахъ. Уловъ промысловой крупнои рыбы для мѣстныхъ потребностей, т. е. для пропитанія жителей и бѣжалыхъ собакъ, выражался въ концѣ прошлаго столѣтія примѣрно тремя миліонами штукъ въ годъ (въ 1892 г.—2.426,445 штукъ, въ 1895 г.—4.034,735 и въ 1898 г.—3.602,731); уловъ же для торговыхъ цѣлей находился еще въ зачаткѣ, при чемъ первые въ этомъ направленіи опыты были произведены только въ 1896 году. Однако, «въ зачаткѣ»—говорю—не по абсолютному количеству упромышлявшейся съ этою цѣлью рыбы, а по тому количеству, которое могло бы быть использовано для экспорта въ соответствіе съ природнымъ богатствомъ Камчатки. Торговый промыселъ и тогда уже прогрессировалъ значительно. Такъ, для торговыхъ цѣлей было поймано преимущественно кѣты: въ 1896 г.—13,292 штуки, въ 1897 г.—151,400 шт., въ 1898 г.—329,770 шт. и въ 1899 г.—около 1 миліона. Въ 1900 году въ одну Японію было вывезено съ Камчатки 430,000 пуд. соленой рыбы.

И въ Петропавловскомъ уѣздѣ хищничество царило уже давно; процвѣтало оно и до самаго послѣдняго времени; не прекратилось и по сей день, не взирая на льготы, предоставленныя дольнимъ японскимъ рыбакамъ въ Портсмутѣ. Периодическую рыбу, входящую въ рѣки, расхищали преимущественно японцы, приходившіе на шхунахъ въ самыя устья рѣкъ и наполнявшіе соленою рыбой свои трюмы вполне безнаказанно; о подвигахъ нашихъ сосѣдей приамурская администрація узнавала лишь отъ мѣстнаго населенія и отъ законныхъ промышленниковъ края. Въ 1900 году на счету состояло свыше 30 японскихъ шхунъ, тайкомъ ловившихъ рыбу въ нашихъ рѣкахъ, но цифра эта была далека отъ дѣйствительной, ибо зарегистрированы были только хищники, пойманвые съ поличнымъ. Борьба съ хищничествомъ на Камчаткѣ была крайне трудна и по малонаселенности ея, и по отсутствію сколько нибудь сносныхъ путей сообщенія, и по неимѣнію плавучихъ средствъ. Мѣры охраны промысловъ, о которыхъ болѣе подробно скажемъ ниже, фактически не прикоснулись и не могли принести никакой су-

щественной пользы: японское хищничество изъ года въ годъ все увеличивалось. По свѣдѣніямъ «Восточнаго Обзорія», въ навигацію 1903 года у береговъ Камчатки плавало уже 300 японскихъ шхунъ. Крейсировавшей въ то время въ сѣверныхъ водахъ мореходной канонерской лодкѣ «Манчжуръ» удалось даже захватить 12 хищниковъ съ командами общей численностью въ 288 человѣкъ и съ грузомъ до 1 миліона штукъ кѣты.

Главный вредъ японскаго хищничества у береговъ Камчатки заключался въ перегораживаніи устьевъ рѣкъ и въ пресѣченіи тѣмъ доступа рыбѣ въ мѣста нереста. Это могло кончиться безрыбьемъ. «Настоятельно необходимо принятіе скорыхъ и энергичныхъ мѣръ къ устраненію этого зла», писалъ генераль Гродековъ.

Очерченная дѣятельность японцевъ, какъ сказано, не прекратилась и въ настоящее время; скорѣе она возрасла и приняла еще болѣе наглый характеръ. Такъ, въ іюлѣ 1906 года, на Камчаткѣ, въ урочищѣ «Воровской участокъ», японскіе хищники, застигнутые запаснымъ поручикомъ Сотниковымъ съ командою камчадаловъ, въ отвѣтъ на требованіе объ уплатѣ штрафа за самовольную ловлю рыбы, открыли огонь изъ ружей. Поручикъ и 12 камчадаловъ были убиты. Далѣе, въ навигацію 1907 года, къ берегамъ Камчатки прибыла масса японскихъ шхунъ, часть коихъ плавала подъ русскимъ флагомъ, выбравъ документы на подставныхъ лица русскаго происхожденія. Однако, тутъ за Камчатку заступилась судьба: одна изъ сопокъ закурилась сильнѣе обыкновеннаго, и вскорѣ вся южная половина полуострова съ прилегающими къ ней водами покрылась непроницаемыми тучами пепла; въ обычное время рыба съ моря не появилась, и шхуны, напуганныя къ тому же легкими, но повторными землетрясеніями, ушли въояси ни съ чѣмъ. А съ ихъ уходомъ сопка успокоилась, и запоздавшая рыба въ изобиліи вошла въ камчатскія рѣки.

Командорскіе острова весьма богаты періодической красной рыбой, но улавливается она относительно въ небольшомъ количествѣ, отъ 75 до 100 тысячъ штукъ въ годъ, такъ какъ мѣстное населеніе питается преимущественно мясомъ морскихъ котиковъ, а торговаго промысла не существуетъ.

Наконецъ, по отношенію къ острову Сахалину приведемъ ниже-слѣдующія свѣдѣнія, хотя и не чужды анахронизма, но все же высоко любопытныя.

До Портсмутскаго договора наши рыбныя на Сахалинѣ богатства были несмѣтны. Главною промысловою рыбою являлась сельдь, а затѣмъ періодическая кѣта и отчасти горбуша.

Сельдь ловилась преимущественно въ предѣлахъ Горсаковскаго округа, побережье котораго въ разсматриваемомъ отношеніи подраздѣлялось на пять промысловыхъ раіоновъ: западнаго берега южнаго Сахалина, залива Анива, восточнаго берега южнаго Сахалина, пространства между мысами Терпѣнія и Елизаветы и Ныйскаго залива. По официальнымъ даннымъ объ уловѣ сельдей, наиболѣе благопріятствовали промыслу первые три раіона, полностью отошедшіе нынѣ къ Японіи. Цифръ я не привожу умышленно: онѣ совершенно не соответствовали дѣйствительности, какъ то и будетъ разъяснено ниже.

Сельдь въ массѣ приближается къ берегамъ Сахалина весной, во время нереста, обыкновенно въ послѣднихъ числахъ марта. О немловѣрномъ количествѣ этой рыбы можно судить хотя бы по ниже-слѣдующимъ свидѣтельствамъ ряда очевидцевъ о ея появленіи въ заливѣ Анива.

Приближеніе сельди видно съ берега издали. Огромная круговая полоса бѣлой пѣны указывает на границы сплошныхъ легендарныхъ полчищъ рыбы. Стада морскихъ чаекъ и альбатросовъ, стада сивучей и киты преслѣдуютъ лакомую добычу. Море точно кипитъ. Вода въ бухтѣ, отъ вымеченной икры, пріобрѣтаетъ молочный цвѣтъ. Волны выкидываютъ на берегъ цѣлые бугры сельдяной икры. И продолжается эта картина дней десять и до двухъ недѣль.

За русскою сахалинскою сельдью охотились преимущественно японцы и охотились съ цѣлью добычи селедочнаго тука—удобренія, безъ котораго истощенная почва страны Восходящаго Солнца давно уже перестала давать сколько нибудь удовлетворительные урожаи риса. Армада японскихъ судовъ, численностью до 300 вымпеловъ, а то и болѣе, ежегодно появлялась у береговъ Сахалина на всемъ пространствѣ промысловъ. Обладая громадными неводами, до трехъ верстъ длиною, японскіе рыбопромышленники окружали стаи сельдей полукругомъ, концы сѣтей выволакивали на берегъ и изъ получившагося мѣшка, вплотную набитаго рыбою, черпали добычу ведрами и ушатами, уменьшая самый мѣшокъ, по мѣрѣ выборки рыбы. На берегу копали ямы, въ нихъ устраивали каменные печи, а въ печи вмазывали чугунные котлы, вмѣстимостью по 15 ведеръ. Въ котлахъ сельдь варили и въ варѣномъ видѣ укладывали ее

близъ котловъ въ ящики, устроенные изъ брусевъ въ разгонъ, т. е. съ зазорами между вѣщами. Подъ ящики подстилали цинронцаемые деревянные поддоны, а въ самые ящики устанавливали прессы съ воротами. Во время прессовки вареной сельди жиръ стекалъ на поддонъ, а съ него, по особымъ желобамъ въ общій резервуаръ—хранилище ворвани. Спрессованную рыбу раскладывали на циновкахъ и сушили на солнцѣ. Такимъ способомъ и получали селедочный тукъ, который упаковывали въ кули и отвозили въ Японію.

О количествѣ сахалинской сельди, добывавшейся японцами передъ послѣднею войною, судить по официальнымъ даннымъ, какъ сказано, чрезвычайно трудно. Это неопровержимо подтверждается хотя бы слѣдующими соображеніями.

Въ 1898, напримѣръ, году японцы уплатили въ русскую казну за весь экспортъ всякой рыбы съ Сахалина 49,382 руб. Относил даже всю эту сумму къ экспорту только сельди и имѣя въ виду, что пошлина нечислялась по 7 коп. съ пуда, окажется, что въ томъ году ими было упромышено 705,457 пудовъ. Съ другой стороны, имѣются официальныя же свѣдѣнія, гласящія, что японцы ловили тогда рыбу на 400 участкахъ, что на нѣкоторыхъ изъ нихъ устанавливали до 90 котловъ для варки тука, что въ каждомъ котлѣ перваривали въ день не менѣе 10,000 штукъ сельдей, и что варка продолжалась отъ 2 до 3 недѣль. Допуская, что сельдь ловили только на 200 участкахъ, что среднее количество котловъ на каждомъ изъ нихъ не превышало 50, что каждая селедка вѣсила только $\frac{1}{4}$ фунта и что варили тукъ только 2 недѣли, получаю размѣръ добычи не въ 705,457 пуд. а въ 8,680,000 пуд. И такой расчетъ не можетъ считаться преувеличеннымъ, скорѣе наоборотъ. По удостовѣренію бывшего русскаго вице-консула въ Хакодате М. М. Геденитрома, сахалинскимъ тукомъ удобрялись почти всѣ японскія рисовыя плантаціи, а средняя годичная стоимость этого продукта превышала 7 мил. руб.

Въ сѣвѣрной, нашей части Сахалина, во всѣхъ рѣкахъ и рѣчкахъ, ловится кѣта и горбуша, періодически скопляющаяся въ огромномъ изобиліи главнымъ образомъ въ Ныйскомъ заливѣ, въ рѣкѣ Тыми и у западнаго побережья острова близъ села Тымова. Эту рыбу ловить частью мѣстное населеніе, а преимущественно—по крайней мѣрѣ ловили до послѣдняго времени—японцы. Ловили они рыбу почти безъ контроля, который всегда былъ весьма затруднительнымъ хотя бы уже потому, что засолъ рыбы японцы производили непосредственно въ трюмахъ своихъ шхунъ. Затѣмъ, они

вылавливали красную рыбу у устьевъ рѣкъ, т. е. самую лучшую, а для успешности лова загораживали устья, чѣмъ не только лишали добычи рыбаковъ, промышлявшихъ нѣсколько выше по теченію рѣкъ, но и препятствовали правильности переста, обрекая на гибель огромную часть приплада.

Долгое время японцамъ не ставили препоны къ такого рода дѣятельности и принципиально даже опасались обуздывать японскихъ рыбопромышленниковъ. Одно время проводилась даже мысль о желательности привлеченія желтолицыхъ къ берегамъ Сахалина и о соответственности поощренія вывозной на рыбу пошлины на 50%. Сторонники этой мысли предугадывали, что отъ проведенія ея въ жизнь доходы русской казны значительно увеличатся, а торговля края замѣтно возрастетъ. Но вскорѣ взгляды измѣнились. Любопытенъ въ этомъ отношеніи одинъ изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ генерала Гродекова (за 1900 годъ). Въ немъ приводились въ общемъ такія соображенія.

Японцы приходили къ Сахалину на своихъ судахъ и со всѣми необходимыми для лова и для приготовленія рыбныхъ продуктовъ средствами: съ собственными рабочими, инвентаремъ, съѣстными, припасами, одеждою, домашнею утварью и проч. До начала восьмидесятыхъ годовъ они хозяйничали тамъ окончательно безконтрольно, пользовались промыслами и мѣстными матеріалами бесплатно. Только въ среднѣхъ восьмидесятыхъ годовъ были установлены пошлины за вывозъ рыбы и плата за лѣсъ, за землю и проч. Установленъ былъ и нѣкоторый контроль, а также дѣлалась попытка къ развитію на островѣ русской промышленности. Но, не взирая на такія мѣры, по свидѣтельству генерала Гродекова, «огромное большинство рыбопромышленниковъ на Сахалинѣ» состояло по прежнему изъ японцевъ. Въ 1898 году въ ихъ распоряженіи было 400 промысловыхъ участковъ, въ значительной части расположенныхъ у селеній инородцевъ и у устьевъ рѣкъ, т. е. расположенныхъ весьма невыгоднымъ для русскихъ интересовъ образомъ. Общій характеръ японскихъ промысловъ также являлъ большія невыгоды: заготавливались малоцѣнные продукты—тукъ и сухая рыба, доходы русской казны были почти ничтожны и не могли быть возвышены по дешевизнѣ товара, наконецъ, главные доходы отъ промысловъ—зарабочія деньги—полностью доставались Японіи. Для избѣжанія столь ненормальнаго порядка, въ ноябрѣ 1899 года были установлены по отношенію къ сахалинской рыбопромышленности особыя правила, по которымъ число участковъ для японцевъ было сокращено вдвое

противъ прежняго, опредѣлены минимальныя разстоянія между участками, а участки у поселковъ были предназначены для безвозмезднаго отвода туземцамъ съ запретомъ ловли на нихъ для постороннихъ. Кромѣ того, при отдачѣ рыболовныхъ участковъ въ аренду, было рѣшено отдавать предпочтеніе русскимъ предпринимателямъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, правила эти возбудили горячій протестъ со стороны японцевъ: парламентъ страны Восходящаго Солнца уполномочилъ правительство наложить, когда потребуется, на ввозимые въ Японію изъ русскихъ водъ рыбные продукты пошлину въ размѣрѣ 65% отъ стоимости товара, а само правительство Микадо обратилось къ Россіи съ просьбою отсрочить введеніе въ дѣйствіе этихъ правилъ до 1906 года съ тѣмъ, чтобы японцамъ разрѣшалось ловить рыбу на прежнихъ мѣстахъ и чтобы по истеченіи даже сказаннаго срока русскіе и японскіе рыбопромышленники находились бы въ одинаковыхъ условіяхъ. Непринятіе этого предложенія обуславливалось введеніемъ вышепомянутой пошлины.

Не представляется, думаю, необходимымъ доказывать, что введенная угроза была эфемерной: Японія не могла обойтись безъ нашей рыбы, а ввозная въ эту страну пошлина отразилась бы тяжкимъ ударомъ не по нашей, едва нарождавшейся тогда экспортной торговлѣ, а по населенію самой Японіи. Все же введеніе указанныхъ правилъ въ дѣйствіе было отложено, но отложено временно. Урегулированіе вопроса должно было осуществиться, и русскіе предприниматели съ радужными надеждами глядѣли на будущее.

Портсмутскій договоръ перевернулъ вверхъ дномъ все благія начинанія въ разсматриваемой области и предоставилъ японцамъ всяческія льготы для лояльной рыбной ловли даже на оставленной намъ части Сахалина. Но хищничество, повидимому, не уменьшилось и тамъ. По свидѣтельству инженера Тульчинскаго, лѣтомъ 1906 года японцы вновь принялись за старое: въ Чайвинскомъ заливѣ они перегородили сѣтями все впадающія въ него рѣки и рѣчки, уплатили за это сахалинскимъ инородцамъ два мѣшка рису да тридцать бутылокъ сака (рисовой водки) и обязали ихъ отнюдь не производить ловли рыбы для своихъ нуждъ; инородцы ставили свои сѣти только тайкомъ, а обнаруженные спасти японцы немедленно приводили въ негодность.

Закачивая обзоръ рыбопромышленности Приморской области, считаю необходимымъ отмѣтить, что въ 1906 году было возбуждено до двухъ десятковъ ходатайствъ русскими предпринимателями

о предоставленіи имъ въ долгосрочную, безъ торговъ, аренду рыболовныхъ участковъ въ различныхъ рѣкахъ области, не считая Амурскаго бассейна (гдѣ рыбалки сдаются въ аренду только съ торговъ). На мѣстѣ къ этимъ ходатайствамъ отнеслись отрицательно, мотивируя такую точку зрѣнія несоотвѣтственностью развитія на льготныхъ условіяхъ крупнаго промысла въ весьма мало изученныхъ раіонахъ вообще, а въ устьяхъ рѣкъ въ особенности, ибо такія предпріятія могутъ повлечь за собою непоправимый ущербъ благоденствію сибирскихъ инородцевъ, проживающихъ по рѣкамъ въ удаленіи отъ устьевъ и питающихся почти исключительно рыбой. Надо при этомъ замѣтить, что нынѣшній Приамурскій генералъ-губернаторъ, генералъ Унтербергеръ, еще въ своемъ извѣстномъ и превосходномъ трудѣ — «Приморская область 1856 — 1898 гг.» — обращалъ вниманіе на необходимость крайне осторожнаго отношенія къ развитію въ рѣкахъ области частной коммерческой рыбной ловли. Онъ указывалъ, что рыбы въ этихъ рѣкахъ, кромѣ Амура и Анадыри, несравненно меньше, чѣмъ о томъ принято говорить, и что массовый уловъ ея въ устьяхъ можетъ закончиться полнымъ уничтоженіемъ промысловъ. Въ подтвержденіе этому знатокъ края приводилъ тотъ фактъ, что рѣки, впадающія въ Амурскій заливъ (въ раіонѣ Владивостокскаго вліянія) съ западной его стороны, еще лѣтъ 20 тому назадъ буквально кишѣли красной рыбой, а теперь, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ловли «усовершенствованными» способами, рыба вовсе не заходитъ въ эти рѣки.

Однако, противъ сказанныхъ доводовъ приводились нныя соображенія и при томъ соображенія, не лишеныя существеннаго значенія.

Противники мѣтнаго взгляда на вещи обращали вниманіе на то, что послѣ войны Приморскій край былъ поставленъ въ исключительное положеніе. Одно изъ главнѣйшихъ его природныхъ богатствъ — рыбные промыслы — необходимо оградить извѣстными препятствіями, направленными къ предупрежденію захвата ихъ иностранцами. Лучшимъ въ этомъ отношеніи средствами явятся широкая просторъ и широкое покровительство русской промышленности. Мѣры эти несомнѣнно увѣнчаются вождѣнными результатами, и подтвержденіемъ тому можетъ послужить хотя бы то обстоятельство, что уже и теперь въ низовьяхъ Амура русскій промыселъ «далеко опередилъ» японскій. Въ настоящее время, при осуществленіи тяжелыхъ условій Портсмутскаго договора, намъ-де представляется, быть можетъ, послѣдній случай спасти для Россіи При-

амурской край: немедленный и решительный поворот всей нашей экономической политики на Дальнем Востоке в сторону действительного и всемирного покровительства русской промышленности становится не только необходимым, но и неизбежным. Кроме закрытых заливов и рек, т. е. на большей части побережья Приморской области, японцы пользуются по отношению к рыбной ловле равными правами с русскими, а в виду цѣлага ряда льгот и въ особенности ихъ права пользоваться японскими же рабочими — на большей части побережья мы не можем явиться ихъ конкурентами. Посему остается обратить вниманіе на изытые изъ взаимнаго пользованія районы, даровать льготы въ нихъ объявившимся русскимъ предпринимателямъ и прицать лишь мѣры къ обезпеченію интересовъ инородцевъ. Такое отношеніе къ возбужденнымъ ходатайствамъ рационально, главнымъ образомъ, потому, что въ запретныя рѣки области по прежнему проникаютъ японскіе хищники, зачастую входящіе въ соглашенія съ самими же инородцами и заручающіеся «правомъ» ловли за водку, за табакъ и т. п. Въ результатъ, предлагалось сдавать русскимъ предпринимателямъ рыбалки безъ торговъ на срокъ до 12 лѣтъ и за плату не менѣе 5 коп. съ пуда добычи и не менѣе 1 коп. въ годъ за квадратную сажень земли, занятой подъ промысловыя устройства.

Повидимому, изложенныя соображенія и приняты къ руководству на будущее время. По крайней мѣрѣ, въ 1907 году русскому предпріятію подъ фирмою «Сальмо», основанному отставнымъ капитаномъ 2-го ранга Бонди и г. Гедике, были предоставлены безъ торговъ въ аренду на 12 лѣтъ и на приведенныхъ условіяхъ рыбныя промыслы на впадающихъ въ Охотское море рѣкахъ Ямѣ, Япѣ и Тауѣ. Мало того, даже въ низовьяхъ Амура русскимъ промышленникамъ давались въ самое послѣднее время льготы, не предусмотрѣнныя дѣйствующими правилами: предпринимателямъ, солидно обставившимъ свои рыбалки, право аренды безъ новыхъ торговъ продолжали на значительные сроки, тогда какъ по дѣйствующимъ правиламъ и съ торговъ арендные договоры заключаются на сроки не свыше 6 лѣтъ. Въ ряду такихъ предпринимателей могу назвать Надецкого, Галичанина, Зинкевича и Вейнермана.

Не бери на себя смѣлости высказывать собственные умозаключенія по вопросу о соответственности принятія чрезвычайныхъ мѣръ къ развитію русскаго коммерческаго рыбнаго промысла въ

районахъ, оставленныхъ по Портсмутскому договору неприкосновенными для иностранцевъ (устья рекъ и 34 залива), считаю, однако, полезнымъ упомянуть о фактѣ, достаточно подтверждающемъ убѣдительность соображеній сторонниковъ такихъ мѣръ о томъ, что въ водахъ взаимнаго пользованія мы не конкуренты японцамъ: въ 1907 году изъ 90 рыболовныхъ участковъ, предъявленныхъ къ торгамъ въ районахъ водъ взаимнаго пользованія, за русскими осталось 6 участковъ, а за японцами 84.

Природныя богатства морскихъ и рыбныхъ промысловъ Приморской области, въ связи съ постоянными на нихъ покушеніями со стороны иностранцевъ, естественно вызываютъ совершенную необходимость въ ихъ охранѣ морскими судами и береговою стражею. Такая охрана и существовала издавна, но была столь неудобствительной, что пользы дѣлу не приносила почти никакой.

По началу морскіе промыслы охраняли наши военныя суда — одинъ или два крейсера, а то и канонерки, выславшіяся въ Охотское и Берингово моря изъ Владивостока. По малочисленности своей эти суда не могли услѣдить за хищниками на громадномъ пространствѣ, вѣренномъ ихъ дозору; въ водахъ же крайняго сѣвера, по Чукотскому побережью, крейсерство скоро было прекращено совершенно, ибо хищники приходили туда океаномъ велѣдъ за двигавшимися къ полярному кругу льдами, а военныя суда, выжидавшія отпечки отъ льда Золотого Рога и Босфора Восточнаго, достигали Чукотскаго Носа лишь къ концу дѣятельности хищническихъ шхунъ. Да и вообще охрана промысловъ военными судами была сопряжена со многими неудобствами: отрываніе моряковъ отъ ихъ прямыхъ служебныхъ обязанностей было не цѣлесообразно, сравнительно большая осадка судовъ исключала возможность захода въ мелководныя бухты; военныя команды не были знакомы съ вопросами промысловаго характера и т. д. Все это заставило ведомство государственныя имущества озаботиться заведеніемъ собственныхъ плавучихъ средствъ, и постепенно образовалась специальная охранная флотилія, которая въ настоящее время, къ 1908 году, состоитъ изъ слѣдующихъ судовъ: старой деревянной шхуны съ паровымъ двигателемъ «Сторожа», новыхъ стальныхъ крейсеровъ «Командора Беринга» и «Лейтенанта Дыдымова», переходныхъ паровыхъ катеровъ «Нерпы» и «Дельфина», парусной яхты «Касатки» и достаточнаго количества гребныхъ судовъ. Мелкія суда плаваютъ въ Амурскомъ лиманѣ, «Сторожа» крейсируетъ вдоль береговъ Уссурийскаго края и Сахалина, а крейсера совер-

шавтъ съ 1907 года отдаленные рейсы въ Охотское и Берингово моря.

Конечно, такая морская охрана далеко не можетъ считаться вполне достаточной. Но съ охраною береговою дѣло стоитъ еще хуже.

Съ образованіемъ Приморской области береговая охрана рыбныхъ промысловъ, какъ и вообще полицейская служба, лежала на обязанности отдѣльныхъ командъ Якутскаго казачьяго полка— части воинской по названію, но совершенно иного характера по ея организаціи и составу. Во-первыхъ, этотъ полкъ состоялъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, былъ подъ начальствомъ полковаго атамана, числившагося въ IX классѣ гражданскихъ чиновъ, имѣлъ пять сотенъ съ командирами XII класса и одну камчатскую полусотню. Во-вторыхъ, казаки служили въ немъ съ 16-ти лѣтъ до дряхлости, имѣли собственное обмундированіе и оружіе и получали отъ казны лишь паекъ, совершенно не обезпечивавшій ихъ существованія, почему казакамъ приходилось больше рыболовствовать и охотничать, чѣмъ заниматься службой. Въ результатѣ, служили казаки вяло, дисциплины въ ихъ средѣ не было никакой, даже оружіемъ владѣли плохо.

Еще главный начальникъ края, генераль Духовской, находилъ, что якутское казачество, по его организаціи, представляетъ собою «совершенно отжившее явленіе, поражающее своей странностью при первомъ знакомствѣ съ нимъ». Нося названіе казачьихъ, команды были одѣты въ форму начала XVIII вѣка, имѣли архангелскія пистолныя ружья и не имѣли ничего общаго ни съ военнымъ вѣдомствомъ, ни съ понятіемъ о русскомъ воинствѣ. Въ отношеніи отправленія даже полицейской службы они совершенно не удовлетворяли намѣченной цѣли и являлись лишь бременемъ для казны, вслѣдствіе чего и было возбуждено въ концѣ прошлаго вѣка ходатайство объ упраздненіи якутскаго полка и о замѣнѣ казаковъ вольнонаемною полицейскою стражею. О судьбѣ этого ходатайства намъ не удалось найти точныхъ свѣдѣній; но въ разсматриваемомъ вопросѣ, въ вопросѣ о береговой стражѣ, приуроченной къ охранѣ рыбныхъ промысловъ, реформа произошла коренная: въ настоящее время не имѣется никакой береговой стражи; ея обязанности временно возложены на лѣсныхъ объѣзчиковъ, а такихъ состоитъ налицо: въ Камчаткѣ—6 человекъ, на Сахалинѣ—4 и въ юго-западномъ районѣ—5, т. е. на каждого приходится многія сотни верстъ береговой полосы.

Соображая, что мѣстности, закрытыя для японскаго промысла по Портсмутскому договору, должны быть закрыты фактически, а запретные способы ловли быть запретными въ дѣйствительности, и что вообще все наше тихоокеанское побережье должно быть охраняемо отъ иностраннаго хищническаго промысла, подлежащее вѣдомство указывало, что задачи эти не могутъ возлагаться всецѣло только на предназначенныя для того суда. По извѣстіямъ съ мѣста, даже на легальныхъ японскихъ рыбалкахъ всегда содержатся особые наблюдательные посты. «Увидавъ дымокъ приближающагося судна»,—говорится въ одномъ официальномъ документѣ,—«рыбаки немедленно приводятъ свой промыселъ въ законное положеніе и уничтожаютъ признаки хищническаго лова». А уйдетъ судно—все принимаетъ прежній видъ. Для измѣненія подобнаго положенія вещей, проектируется и считается достаточнымъ принятіе слѣдующихъ мѣръ.

Необходимо учрежденіе районныхъ смотрителей—руководителей береговой стражи. Такихъ надо имѣть пять: двухъ въ Петропавловскомъ уѣздѣ (одного для восточнаго, другого для западнаго побережья Камчатки) и по одному для районъ охотскаго, николаевскаго (съ островомъ Сахалиномъ) и владивостокскаго. Слѣдуетъ организовать особые наблюдательные посты, съ назначеніемъ на каждый не менѣе двухъ стражниковъ, вооруженныхъ трехлинейными винтовками кавалерійскаго образца; всего стражниковъ требуется 76 человекъ. Въ распоряженіе стражи должны быть предоставлены шлюпки съ керосиновыми двигателями и съ парусной оснасткой, снабженныя техническимъ персоналомъ для ихъ обслуживания; въ восточный же районъ Камчатки необходимо назначить мелкосидящее мореходное судно. Распредѣляя по районамъ имѣющіяся въ наличности плавучія средства, требуется добавить къ нимъ четыре новыхъ моторныхъ катера и одну паровую шхуну. На все это потребуется единовременнаго расхода около 26,000 руб. и постояннаго около 75,000 руб. Самую же мѣру предполагалось ввести въ дѣйствіе съ 1-го іюня 1908 года.

Насколько проектированное нововведеніе окажется отвѣчающимъ потребности и проявится ли осязательно дѣятельность 76 стражниковъ на всемъ побережьи Приморской области—покажетъ будущее. Во всякомъ случаѣ и какая нибудь охрана лучше отсутствія оной.

Перехожу къ другому виду промысловой дѣятельности населенія Приморской области—къ промыслу лѣсному.

О значеніи лѣсного промысла въ краѣ можно судить хотя бы по слѣдующимъ цифрамъ дохода казны отъ продажи въ вольныя руки лѣсного матеріала: въ 1897 году—404,533 руб., въ 1899 г.—389,761 руб., въ 1906 году—по даннымъ центрального управленія—свыше 600.000 руб. Цифры эти далеко не являютъ собою полномѣрнаго дохода, который представляется возможнымъ выручать отъ правильной эксплуатаціи лѣсныхъ богатствъ области. Достаточно сказать, что лишь въ *устроенныхъ* лѣсничествахъ уѣздовъ Хабаровскаго, Южно-Уссурийскаго, Уссурийскаго казачьяго и части Удскаго по Нижнему Амуру числится лѣсныхъ дачъ около 10½ мил. десятинъ, изъ коихъ удобными для пользованія нынѣ считаются свыше 16 мил. дес. Всего же лѣсныхъ пространствъ въ области, по даннымъ лѣсного вѣдомства, 192 мил. дес., и лѣса эти даютъ ежегодно около 48 мил. куб. саж. прироста древесины, стоимостью во многіе миллионы рублей.

II, несмотря на это, по официальному отчету за 1906 годъ, на Нижнемъ Амурѣ наблюдался недостатокъ даже въ дровахъ. Явленіе это объясняется «частію оскудѣніемъ лѣсныхъ богатствъ отъ пожаровъ, а частію системою рубки лѣса вдоль береговъ большихъ и сплавныхъ рѣкъ». Такою системою «наносится серьезный ущербъ лѣсному хозяйству: въ будущемъ она можетъ служить причиною обмеленія рѣкъ». Насколько лѣса уничтожаются пожарами, возникающими отъ непотушенныхъ костровъ охотниковъ и пастуховъ, а также отъ искръ паровозовъ по близости отъ Уссурийской ж. д., насколько мало и неумѣло борются съ огненной стихіей, видно изъ того, что въ краѣ нерѣдки случаи, когда лѣсной пожаръ перекидывается на поселки и даже пригороды. Такъ, въ 1899 году сгорѣла отъ сказанной причины въ Южно-Уссурийскомъ уѣздѣ деревня Липовка, въ 1902 году—строепія переселенческаго пункта у Никольско-Уссурийскаго и тамошней сѣнопресовалки съ 40 тысячами пудовъ сѣна и т. д. Въ общемъ нельзя не отмѣтить, что лѣсное дѣло въ области находится положительно въ хаотическомъ состояніи.

Рубки, неумѣлыя попытки заграничнаго экспорта лѣса завершились, безъ какихъ либо уважительныхъ причинъ, полною неудачею. Мало того, во Владивостокѣ—въ центрѣ Южно-Уссурийскаго края, въ которомъ насчитывается свыше 200.000 десятинъ хорошаго строевого лѣса—торгуютъ своей сосной американцы. Во Владивостокѣ же, въѣ окрестности котораго еще недавно были открыты дѣлательнымъ лѣсомъ, иногда природнымъ на дрова, шпалѣ

переходятъ на каменноугольное отопленіе. На Сѣверномъ Сахалинѣ, гдѣ насчитывается до 1½ мил. десятинъ превосходнаго строевого хвойнаго лѣса, опъ уничтожается пока лишь громадными лѣсными пожарами, а охраняютъ эти 1½ мил. десятинъ одна лѣсной кондукторъ и два объѣздчика. О лѣсахъ сѣверныхъ уѣздовъ и говорить не приходится.

Какъ разновидности лѣсного промысла, върше какъ производныя отъ него, въ краѣ существуютъ промыслы древеснымъ грибомъ и корнемъ жень-шеня.

Древесный, именно дубовый, грибъ собирается въ лѣсахъ Южно-Уссурийскаго края съ поваленныхъ и гниющихъ стволовъ дуба. Его сборомъ занимаются преимущественно китайцы, организованными артелями являющіеся въ наши лѣса, сваливающіе съ корней цѣлыя ронды, собирающіе грибы съ валежника черезъ годъ или два и увозящіе добычу въ Китай, гдѣ за пудъ этого продукта, составляющаго лакомое блюдо китайскаго стола, платятъ по 12—15 рублей. Наши власти запрещаютъ этотъ губительный для лучшаго лѣсного промысла; но запретъ дѣйствуетъ, пока что, плохо.

Корень жень-шеня растетъ въ дикомъ видѣ преимущественно въ самыхъ глухихъ таскныхъ мѣстахъ по притокамъ Усури. Китайцы считаютъ его драгоценнымъ; ихъ медицина приписываетъ корню чудодѣйственныя свойства. Ежегодно гѣломъ по горамъ и лѣсамъ Южно-Уссурийскаго края бродятъ сотни искателей жень-шеня, преимущественно изъ китайцевъ и ороченъ. Поиски крайне тяжелы: жень-шень растетъ въ самыхъ глубокихъ лѣсныхъ ущельяхъ и пріобрѣтаетъ цѣнность съ возрастомъ, почему заправскій искатель корня, найдя молодой ростокъ, не трогаетъ его, а лишь навѣдывается въ открытое имъ мѣсто отъ норы до времени, рискуя, что ваходка его попадетъ въ руки болѣе горячаго сотоварника. За дикій жень-шень, въ зависимости отъ возраста, въ Китай платятъ отъ 85 до 200 руб. за фунтъ.

Прибыльность торговли жень-шенемъ побудила китайцевъ разводить въ нашихъ краяхъ плантаціи корня; но искусственная культура дается имъ плохо: за фунтъ культивирующаго корня въ Китай платятъ не болѣе 12 руб. А, между тѣмъ, такая культура возможна, чему даютъ примѣръ американцы, воснитывающіе искусственно прекрасный жень-шень и выручающіе отъ вывоза его въ Китай ежегодно около 1½ мил. руб.

Горный промыселъ въ Приморской области находится въ стадіи первоначальнаго своего развитія, но потенциальныя богатства

края въ этомъ отношеніи огромны и несомнѣны. Уже въ настоящее время, когда болѣе или менѣе изслѣдована сравнительно незначительная часть области, собраны неопровержимыя данныя о существованіи въ краѣ золота, серебра, свинца, каменнаго угля, мрамора, желѣзной руды, мѣдной, чернаго шифера, горнаго хрусталя, точильнаго камня и марганцевой руды; на Камчаткѣ, въ Гижигинскомъ уѣздѣ и по близости отъ Николаевска на Амурѣ найдены горячія воды и другіе минеральные ключи. Несомнѣнно, что при болѣе близкомъ ознакомленіи съ горными хребтами, покрывающими громадные пространства области, откроется присутствіе и другихъ минеральныхъ богатствъ.

Въ отношеніи интенсивности разработки первое мѣсто занимаетъ золото; но и золотодобывательная промышленность далека отъ того значенія, какое ей можетъ быть придано.

Золотоносный районъ Приморской области — за исключеніемъ острова Сахалина и горнаго хребта Сихотэ-Аливи, гдѣ золото открыто лишь въ самое послѣднее время и не разрабатывается еще, совершенно рѣзко дѣлится по условіямъ промысла на двѣ части: на сѣверную часть, заключающую системы рѣки Амура и Охотскаго моря, и на южную часть, въ которую входятъ системы мелкихъ рѣчекъ, впадающихъ въ заливы побережья Южно-Уссурийскаго края, съ островомъ Аскольдомъ.

Въ сѣверной части наиболѣе обследованъ районъ такъ называемаго Приморскаго горнаго округа — системы Амура или, вѣрнѣе, системъ его бассейна. Въ составъ горнаго округа входятъ три системы: 1) Амгунская — по рѣкамъ Семи, Камакану, Сулакиткану, Гонгрену, Нультрикану, Керби и Дистри; 2) система озеръ Орель и Чля — по рѣкамъ Кальгану и Бичъ; 3) система озера Удыль. Имѣется два отдѣльныхъ пріиска по правую сторону Амура.

Приморскій горный округъ считаютъ однимъ изъ самыхъ благоприятныхъ для развитія золотопромышленности, несмотря даже на то обстоятельство, что до сихъ поръ въ немъ не открыто ни одной росыни, которая, по богатству содержанія металла, подходила бы къ замѣчательнымъ росынямъ Зейской системы Амурской области. Въ Приморскомъ горномъ округѣ среднее содержаніе золота — 1 золотникъ и 10 долей въ 100 пудахъ песку, тогда какъ въ Зейской системѣ — 2 золотника. Но за то въ Приморскомъ горномъ округѣ особенно выгодны мѣстныя *природныя* условія, и заключаются они въ сравнительной доступности водныхъ путей, въ небольшой абсолютной высотѣ золотоносныхъ площадей и почти

въ повсемѣстномъ отсутствіи вѣчной мерзлоты. Послѣднее облегчаетъ разработку металла изъ ямъ, практикуемую хищниками и мелкими промышленниками, работающими при посредствѣ золотниковъ, т. е. при посредствѣ наемныхъ людей, обязанныхъ сдавать хозяину, по извѣстной цѣнѣ, все добываемое ими золото.

Золотопромышленность въ разсматриваемомъ районѣ началась вслѣдъ за занятіемъ Нижняго Амура Муравьевымъ и Невельскимъ; она оживилась въ 1855—1856 годахъ съ перенесеніемъ военнаго тихоокеанскаго порта изъ Петропавловска въ Николаевскъ на Амурѣ и съ учрежденіемъ въ послѣднемъ пунктѣ областного центра; вновь ослабла въ началѣ семидесятыхъ годовъ съ перенесеніемъ военнаго порта во Владивостокъ и замѣтно упала послѣ 1880 года, когда административнымъ центромъ края былъ сдѣланъ Хабаровскъ.

Помимо благоприятныхъ для золотопромышленности природныхъ условій, прочая обстановка промысловъ въ Амурскомъ бассейнѣ крайне невыгодна, и центр тяжести такой невыгодности лежитъ въ малой заселенности района, въ отсутствіи въ немъ какой либо фабрично-заводской дѣятельности и въ полной бездорожницѣ на сухомъ пути. Еще недавно пріисковые рабочіе потребляли американскую крупчатку; ишеница изъ Амурской области стала вытѣснять таковую недавно, но и она, по высотѣ амурскихъ фрахтовъ, очень дорога. Мясной скотъ гонять на пріиски изъ Монголіи, а солонину вышесылаютъ изъ Америки и только въ незначительномъ количествѣ изъ Забайкалья. Всѣ необходимыя для работъ орудія доставляютъ изъ Одессы, Гамбурга и Калифорніи. А все это ложится тяжкимъ накладнымъ расходомъ на добычу золота.

Отсутствіе благоустроенныхъ путей сообщенія по сухопутью, отсутствіе почти повсемѣстное — говорю почти, ибо у немногихъ крупныхъ фирмъ имѣются свои собственныя дороги — зачастую крайне стѣсняетъ сношеніе между резиденціями золотопромышленниковъ и пріисками. Лѣтомъ такія сношенія производятся въ лучшемъ случаѣ по выючнымъ тропамъ, чаще по тропамъ, по которымъ вещи могутъ проноситься только на рукахъ; но не рѣдки случаи, когда къ пріискамъ никакихъ сухопутныхъ дорогъ не имѣется. Зимой выручаютъ бѣзжалые собаки, на которыхъ можно проѣхать и безъ дорогъ. Бывали случаи, что даже на богатыхъ металломъ пріискахъ прекращали работы за окончательной невозможностью доставки лѣтомъ припасовъ черезъ непроходимыя болота. Вотъ, каково, наиримѣръ, положеніе одного изъ благополучныхъ еще пріис-

сковъ, именно прінска Надежнаго: на прінскѣ прорублена просѣка въ 110 верстѣ отъ Малаго Михайловскаго, лежащаго на Амурѣ, на 802-й верстѣ отъ Хабаровска и на 138-й верстѣ отъ Николаевска: лѣтомъ путь по просѣкѣ почти недоступенъ, зимой ѣздить на собакахъ; доставка на прінскъ пуда груза изъ Николаевска обходится зимою въ 1 р. 50 к., а лѣтомъ въ 5 р. Нечего поэтому удивляться, что многіе отводы, не лежащіе на водныхъ путяхъ, не разрабатываются вовсе, а что въ настоящее время, по указанію мѣстныхъ властей, «золотое дѣло направляется главнымъ образомъ на поиски за богатыми мѣстонахожденіями».

Въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, еще до перехода въ наши руки, добыча золота была доступна всѣмъ и каждому. Занимались этимъ дѣломъ старатели китайцы, и любимой ареной ихъ дѣятельности былъ островъ Аскольдъ. Съ занятіемъ края русскими, манзамъ приказано было удалиться съ острова восвояси, для чего и былъ назначенъ предѣльный срокъ—1868 годъ. Манзы этому распоряженію не подчинились; пришлось отравить къ острову канонерку и выдворить ихъ силою, не безъ пролитія крови; даже у нашихъ было ранено нѣсколько офицеровъ и матросовъ. Выселенные съ Аскода золотоискатели порѣшили отомстить русскимъ и, усиленные всякимъ сородомъ, обрушились на только что основанное село Николаевское, которое сожгли; многіе жители были звѣрски убиты. Эта мѣсть стоила манзамъ очень дорого: ихъ такъ проучили уссурійскіе казаки, что надолго отбили охоту оказывать неповиновеніе русскимъ властямъ.

Заявки на золото со стороны русскихъ начали поступать съ 1872 года. Заявки дѣлались главнымъ образомъ по тому же острову Асколду и по р. Сяосуцзыхъ. Основаніями для заявок служили въ большинствѣ случаевъ не личныя, подробныя и обстоятельныя изысканія, а разговоры съ мѣстными жителями, рассказы послѣднихъ о мѣстахъ нахождения золота китайскими хищниками, либо видѣніе признаковъ бывшаго производства въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ работъ по добычѣ золота. Результаты получались, конечно, отрицательныя. Во многихъ отводахъ по заявкамъ обнаруживалось впоследствии, что прінски давно уже истощены; золото выработано китайцами. Богатыя части рѣки Сяосуцзыхъ оказались нарытыми при древнихъ китайскихъ работахъ, а затѣмъ замытыми и занесенными пескомъ и галькой при наводненіяхъ и т. д. А такъ какъ на признаки старыхъ китайскихъ работъ натыкались весьма часто, то и сложилось мнѣніе, будто все золото Южно-Уссурійскаго края

уже выработано китайцами и даже болѣе древними обитателями страны. Однако, если такое предположеніе отчасти и вѣрно, то только по отношенію къ мѣстностямъ, расположеннымъ по близости отъ морского берега и отъ удобныхъ путей сообщенія. Въ районахъ болѣе дальнихъ золото есть—это несомнѣнно; но поиски по тайгѣ, всегда сопряженные съ рискомъ потратиться и ничего не найти, не привлекаютъ охотниковъ заняться этимъ дѣломъ. Нѣтъ пионеровъ, нѣтъ наглядныхъ данныхъ о наличии богатыхъ прінсковъ въ таскныхъ мѣстахъ, нѣтъ и широкой предпринимчивости. Въ Сихотэ-Алиніѣ золото нашли случайно. Сюда, вѣроятно, и двинется золотопромышленность Южно-Уссурійскаго края. Въ общемъ, золотопромышленная дѣятельность въ этомъ краѣ пока представляла собою, по свидѣтельству знатоковъ дѣла, лишь «сплошной рядъ неудачъ».

Въ сѣверномъ районѣ Удскаго уѣзда и въ уѣздахъ Охотскомъ и Гижигинскомъ золотоносныхъ площадей много, и есть основанія предпологать, что онѣ гораздо богаче, чѣмъ въ предѣлахъ горнаго округа. По опредѣленіи американскаго горнаго инженера Г. Ландфильда, изучившаго вопросъ на мѣстѣ, прінски «обладаютъ огромнымъ количествомъ золота». По газетнымъ извѣстіямъ, росыши близъ Аяна, открытыя въ послѣднее время Охотско-Камчатской экспедиціей, содержатъ въ иныхъ мѣстахъ, напримѣръ по рѣкѣ Лонтарь, до двухъ и даже до четырехъ (?) золотниковъ золота въ 100 пудахъ песку. Но все эти богатства лежатъ втуне, а если и разрабатываются, то преимущественно хищниками и всегда самымъ примитивнымъ образомъ. По даннымъ того же Ландфильда, возмутительно небрежно и неумѣло ведетъ дѣло даже Охотская золотопромышленная компанія, только по этой причинѣ и находящаяся якобы наканунѣ банкротства или продажи дѣла иностранцамъ.

Въ октябрѣ 1906 года Охотское побережье было объявлено свободнымъ для русскаго золотого промысла, и туда двинулись довольно многочисленная партія нашихъ предпринимателей, производившія и производящія развѣдки въ относительно широкомъ масштабѣ. Отъ разработки охотскихъ золотоносныхъ системъ, по свидѣтельству примерскаго военнаго губернатора, генерала Флуга, «надо ожидать въ будущемъ быстрого подъема добычи золота въ Приморской области». Остается только пожелать, чтобы золотой промыселъ оставался тамъ въ русскихъ рукахъ и чтобы исторіи, вродѣ дугласовской, не повторялись.

А эта исторія не лишена назидательности.

Въ 1906 году лорду Дугласу, маркизу Квинберри, было предоставлено право развѣдокъ и добычи золота на лѣвомъ притоцѣ Уды на рѣкѣ Янѣ. Это въ районѣ стоверстной полосы Приморской области, въ которой, по закону, золотой промыселъ иностранцамъ запрещенъ. По заключенному контракту, лорду предоставлялось *исключительное* право указнаго характера на семь лѣтъ и по всей системѣ Яны, съ правомъ пользоваться лѣсомъ, оленьими кормами и пастбищами. Онъ былъ обязанъ вносить лишь незначительныя суммы на содержаніе мѣстной горной полиціи и уплачивать извѣстныя долевые отчисленія съ добычи золота. До конца 1907 года лордъ Дугласъ рѣшительно никакой дѣятельности не проявилъ, а затѣмъ возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи переуступить права свои маркизу Винчестерскому, ходатайство, къ удовлетворенію котораго министерство торговли своевременно не встрѣтило препятствій, ибо хотя маркизъ Винчестерскій въ дѣловыхъ сферахъ и мало извѣстенъ, но вообще «пользуется очень хорошей репутаціей». Коментаріи излишни. Впрочемъ, чѣмъ кончилось это дѣло—составителю настоящаго очерка неизвѣстно.*

Камчатка, по свидѣтельству А. М. Сибирякова, въ природномъ отношеніи имѣетъ огромное сходство съ Аляской, почему налицо всѣ данныя для предположенія, что нашъ полуостровъ окажется столь же богатымъ золотомъ, какъ богатъ имъ полуостровъ, уступленный нами Америкѣ. По даннымъ корреспондентовъ «Новаго Времени», лѣтомъ 1907 года двѣ партіи охотниковъ нашли весьма хорошія золотыя россыпи въ долинѣ рѣки Авачи. Но во всякомъ случаѣ дѣло камчатской золотопромышленности—дѣло будущаго. Надо рассчитывать, что оно будетъ значительно подвинуто впередъ специальной экспедиціею, которая должна была отправиться на Камчатку весною 1908 года и вдохновителемъ которой явился московскій миліонеръ Рябушинскій, пожертвовавшій для этой цѣли 200.000 руб.

Большія надежды возлагаются въ послѣднее время на золотопромышленность нѣкоторыхъ площадей въ Анадырскомъ уѣздѣ. Развѣдчики Северо-Восточнаго Сибирскаго общества, поселившіеся съ лѣта 1905 года у бухты Св. Николая въ Анадырскомъ лиманѣ, нашли осецію 1906 года на одномъ изъ лѣвыхъ притоковъ рѣки Волчьей чрезвычайно хорошіе признаки золота: лотокъ съ поверхности даетъ металла на сумму до 12 руб. По указанію, имѣющемуся въ официальномъ «Обзорѣ Приморской области» за 1906 годъ, «до полученія землетряска сказать что либо совсѣмъ определенное

трудно»; землетряска же ожидалась къ полученію въ навигацію 1907 года.

Общее количество добычи въ Приморской области золота выразилось, за промежутокъ времени съ 1871 до 1899 года, 1,104 пудами съ фунтами, причемъ было промыто золотосодержательныхъ песковъ 358 мил. пуд. Разновременно добывались различныя количества металла; по этимъ количествамъ нельзя составить заключенія о прогрессѣ или упадкѣ промысла. Мало того: размѣръ добычи не зависѣлъ даже отъ числа разрабатывавшихся приисковъ. Такъ, въ 1894 году, по даннымъ мѣстной статистики, въ разработкѣ находились 6 приисковъ, и на нихъ было добыто 119 пуд. 35 фунт. Въ 1906 году разрабатывалось болѣе или менѣе интенсивно 8 приисковъ; на нихъ было промыто 41.468,000 пуд. золотосодержательныхъ песковъ и добыто 70 пуд. золота; всего же въ области за этотъ годъ добыто 92,5 пуд. золота. При этомъ, если вѣрнѣе статистическимъ даннымъ, въ указанномъ году было найдено не мало самородковъ значительнаго вѣса. Такъ, добыча на приискѣ Ясномъ Амгуньской золотопромышленной компаніи показана въ 5 слишккомъ пудовъ золота, при количествѣ промытаго песка всего въ 2,182 пуда.

Жильнаго золота, открытаго во многихъ мѣстахъ, пока не трогали вовсе.

Каменный уголь былъ найденъ въ Приморской области впервые еще въ началѣ шестидесятихъ годовъ, именно у залива Посѣта. Нѣсколько позже присутствіе того же минерала было открыто на Сахалинѣ, на западномъ побережьѣ Татарскаго пролива, на полуостровѣ Муравьевъ-Амурскій, на западномъ берегу Амурскаго залива, въ окрестностяхъ бухты Корфа, въ Анадырскомъ уѣздѣ, на сѣверозападномъ берегу Камчатки, по Суйфуну, около Хабаровска и на рѣкѣ Сучаиѣ. Въ большинствѣ изъ открытыхъ залежей, кромѣ Сахалинскихъ и Сучанскихъ, уголь не отличается особо высокими качествами: онъ бурый, не спекающійся, дающій много дыма и золы. Такой уголь добывался въ послѣднее время, главнымъ образомъ, близъ Хабаровска (китайскимъ предпринимателемъ Тифонтаемъ) и на берегу Амурскаго залива (предприниматель—Горловъ), а также, въ незначительномъ количествѣ, между 29 и 41 верстой Уссурийской ж. д. отъ Хабаровска, между 20 и 30 верстой отъ Владивостока и въ устьѣ Суйфуна. Годовая добыча его достигала 5 мил. пуд. Лучшій же уголь добывался на Сахалинѣ и добывается въ настоящее время въ Сучаиѣ.

На Сахалинѣ пользуются извѣстностью Дуэскія копи въ Воеводской пади, но залежи угля находятся по всему западному побережью Сѣвернаго Сахалина, причемъ пласты его, по изслѣдованію, произведенному горнымъ инженеромъ Тульчинскимъ въ 1906 году, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проходятъ черезъ весь водораздѣльный хребетъ рѣки Большой Тыми и обнаруживаются какъ въ верховьяхъ этой рѣки, такъ и въ верховьяхъ Пороная. Дуэскія копи около 40 лѣтъ тому назадъ были отданы въ арендное содержаніе акціонерному обществу «Сахалинѣ», съ установленіемъ для этого общества обязательства пользоваться для разработки ископаемаго исключительно трудомъ ссыльно-каторжныхъ; впоследствии онѣ перешли въ руки товарищества «Н. О. Маковскій и К^о», срокъ аренднаго договора съ которымъ истекъ только въ 1907 году. То же товарищество имѣло по близости и свои собственные рудники. Работало также и тюремное вѣдомство самостоятельно, открывъ рудники Александровскій, Дуэскій (на самомъ посту) и Владимірскій. Но разработка всѣхъ перечисленныхъ копей велась не только примитивными способами, но и прямо по-хищнически: выбирали уголь исключительно съ верхнихъ слоевъ, въ глубину, гдѣ ископаемое много лучше, не проникали и только засаривали наиболѣе цѣнное содержимое копей. По размѣру добычи эксплуатація копей также не отличалась особою успѣшностью. Такъ, по имѣющимся официальнымъ даннымъ, всего сахалинскаго угля было добыто: въ 1896 году—1,675,226 пуд., въ 1897 году—2.699,000 пуд., въ 1898 году—2.452,294 пуд. и въ 1899 году—3.092,982 пуд. Болѣе позднихъ свѣдѣній не разыскано.

Столь неблагоприятные результаты угольнаго хозяйства на Сахалинѣ отчасти объяснялись принадлежностью казенныхъ копей неспеціальному вѣдомству (тюремному), а также полнымъ отсутствіемъ надзора за дѣятельностью въ рудникахъ со стороны органовъ горнаго вѣдомства. Въ настоящее время, въ виду истеченія контрактнаго срока съ товариществомъ Маковского, возбужденъ вопросъ о передачѣ всего каменно-угольнаго сахалинскаго дѣла въ вѣдѣніе министерства торговли и промышленности, и отъ такой передачи ожидается полная реорганизация эксплуатаціи вѣдръ Сахалина.

Согласно свидѣтельству инженера Тульчинскаго, каменный уголь дуэскаго района, по своему составу и качеству, не уступаетъ лучшимъ сортамъ англійскихъ и шотландскихъ углей и является вполне пригоднымъ не только для топки паровыхъ котловъ, но и

для пользованія имъ при доменной плавкѣ, а также при другихъ металлургическихъ операціяхъ, для чего онъ можетъ быть обращаемъ въ превосходный коксъ.

Крупныя залежи каменнаго угля на рѣкѣ Сучанѣ, въ 35 верстахъ выше ея устья, были открыты и изслѣдованы въ пятидесятихъ годахъ особою экспедиціею, командированною туда министерствомъ государственныхъ имуществъ. Уголь этотъ также оказался весьма хорошимъ—почти бездымнымъ, легко спекающимся въ отличный коксъ. Къ разработкѣ этого угля было однако приступлено только въ послѣднее время, причемъ тамъ было оборудовано два рудника на годовичную добычу въ 6 мил. пудовъ. Фактически же за 1903—1906 года на копяхъ было добыто 3.856,200 пуд. спекающаго угля и 2.886,300 пуд. полуантрацита.

Сучанскіе рудники соединены съ Уссурійскою ж. д. особымъ путемъ въ 110 верстѣхъ длиною, который, отходя на 30-й верстѣ отъ названной дороги (считая отъ Владивостока), состоитъ вначалѣ изъ 75-верстнаго участка государственной желѣзнодорожной колеи, а затѣмъ изъ 35-верстнаго участка узкоколейной дороги, имѣющей 5 подъемниковъ и 3 бремсберга и рассчитанной на перевозку 12 мил. пудовъ угля въ годъ съ перегрузкой только въ одномъ пунктѣ, именно въ сопряженіи узкой и широкой колеи. Срокомъ начала правильной эксплуатаціи Сучанской ж. д. строители таковой опредѣляли вторую половину августа 1907 года. Къ этому же времени надѣялись, что и копи «наконецъ вступятъ въ періодъ нормальнаго сбыта и разработки угля».

Согласно даннымъ официального обзора Приморской области за 1906 годъ, несомнѣнная польза могла бы быть извлечена изъ каменно-угольныхъ залежей, выходы которыхъ обнаружены въ изобиліи въ Анадырскомъ лиманѣ и главнымъ образомъ въ 20 верстахъ отъ поста Ново-Маринскаго. Значеніе этихъ залежей тѣмъ болѣе важно потому, что въ Номѣ на Аляскѣ, находящемся въ 2½ дняхъ пути на пароходѣ, каменный уголь чрезвычайно дорогъ, а спросъ на него большой.

Нефть найдена въ громадномъ количествѣ на Сѣверномъ Сахалинѣ. По свидѣтельствамъ инженеровъ Бацевича и Клее, ея запасы тамъ неисчерпаемы, а гг. Платоновъ и Соколовъ утверждаютъ, что залежи нефти въ указанномъ районѣ богаче несибирскихъ и бакинскихъ источниковъ. Къ такимъ показаніямъ надо однако пока что относиться съ извѣстною осторожностью. По крайней мѣрѣ инженеръ Тульчинскій говоритъ, что всѣ извѣстные на Сѣверномъ

Сахалинѣ источники нефти открыты «совершенно случайно мѣстными кочевыми инородцами», и что спеціальныхъ поисковъ до послѣдняго времени не было. Все же, по даннымъ того же лица, естественные выходы нефти имѣются во множествѣ по близости заливовъ Урктскаго, Ныйско-Набилскаго и Чайвинскаго, причеиъ у перваго изъ названныхъ заливовъ имѣется нефтяное озеро площадью около 9,000 квадр. саж. По газетнымъ извѣстиямъ, въ настоящее время на Сѣверномъ Сахалинѣ работаетъ нѣсколько партій по развѣдкамъ нефтеносныхъ раіоновъ, посланныхъ на островъ частными обществами.

Изъ прочихъ минераловъ въ Приморской области найдены: серебряно-свинцовая руда—у бухты Преображенія и у залива Св. Ольги; желѣзная руда—у бухты Тютюхэ въ Татарскомъ проливѣ и, особенно мощная, у залива Св. Ольги; мѣдная руда—на Камчаткѣ, на Сахалинѣ и на островѣ Мѣдномъ, на послѣднемъ въ видѣ малахита; наконецъ, сѣра, въ видѣ чистыхъ кристалловъ и мощныхъ залежей—на Камчаткѣ. Эти богатства не эксплуатируются совершенно.

Къ числу ископаемыхъ Приморской области слѣдуетъ отнести и мамонтову кость—клыки этихъ допотопныхъ животныхъ. Клыки мамонта добываются преимущественно жителями села Маркова въ различныхъ мѣстахъ Анадырскаго уѣзда. Въ 1906 году найдено 5 клыковъ, кои въ совокупности вывѣсили 360 фунтовъ.

Изъ цѣлебныхъ горячихъ источниковъ, кромѣ давно извѣстныхъ Анненскихъ минеральныхъ ключей въ Удскомъ уѣздѣ, въ послѣднее время обратили на себя вниманіе горячія воды у рѣки Таватумы въ Гижигинскомъ уѣздѣ. На этихъ ключахъ, гдѣ имѣется два лечебныхъ дома—одинъ, выстроенный на средства купчихи Брагиной, а другой на деньги, собранныя по подпискѣ,—населеніе лечится отъ ревматизма и сифилиса. По словамъ лѣчившихся, воды эти совершенно исцѣляютъ отъ названныхъ болѣзней.

Терсегъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

